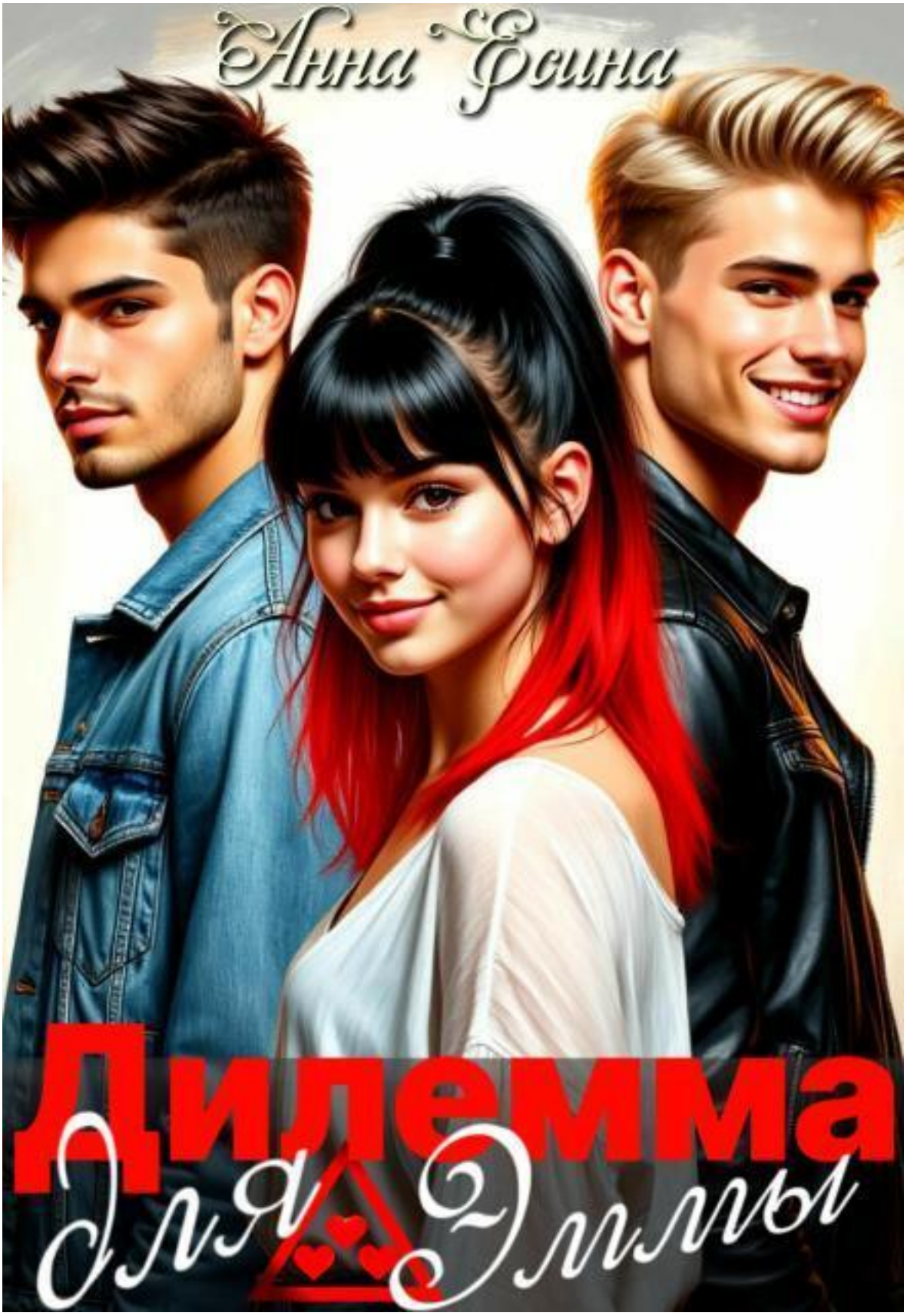

Анна Фоина
Дилемма
для Эллы

Анна Есина

Дилемма для Эммы

«Литнет»
2026

Есина А.

Дилемма для Эммы / А. Есина — «Литнет», 2026

ЕЁ СЕРДЦЕ – ГЛАВНЫЙ ПРИЗ В ИГРЕ ДВУХ БРАТЬЕВ.У каждого лета есть свой секрет. Эмма оказалась между двух огней: уморительные сообщения от солдата-срочника Ильи и пылкие ухаживания красавца Ромы. Она не знала, что у них куда больше общего, чем может показаться на первый взгляд: Рома и Илья – братья. Когда правда откроется, девушке придётся ответить на страшный вопрос: её любят по-настоящему или просто используют в игре, где главный приз – уязвлённое самолюбие брата?График выхода глав: ЧЕРЕЗ ДЕНЬКнига участвует в литмобе «Трудный выбор»

© Есина А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 22
Глава 6 25
Глава 7 28
Глава 8 32
Глава 9 35
Глава 10 38
Глава 11 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Глава 1

Деревенская дискотека – это, конечно, явление специфическое.

Помещение больше всего напоминает актовый зал. Допотопные ряды деревянных сидений расставлены вдоль стен. На зарешеченных окнах кое-где просматривается новогодняя мишура (в июне!). Под потолком сверкает всеми огнями диско-шар. А музыка...

Еду-еду в соседнее село на дискотеку.

Едем-едем в соседнее село со своей фонотекой.

Кошмар.

Мы протискиваемся мимо дружного хоровода из парней и девушек, которые апатично трутся на одном месте. Ещё один пережиток из девяностых. Я такие «кружковые» танцы только в сериалах наблюдала.

Лизка кивает, приветствуя друзей. Толстомордый детина в клетчатой рубахе и кирзовых сапогах подлетает к нам и без спроса хватает мою провожатую на руки. Потом целует так, словно сожрать хочет, и без церемоний тискает попу моей подруги.

Видимо, это и есть тот самый Толик, о котором я слушала байки с начала недели. Жуть какая.

Невольно подмечаю, какие безобразно длинные и волосатые у него руки, и мысленно морщусь. Не хотела бы я встречаться с таким вот гамадрилом.

Отскакиваю в сторону, ибо на меня несутся две размалёванные девицы. Они исполняют нечто вроде танго и таранят всех встречных гарпуном из сплетённых рук.

Идея скоротать вечер в компании местных жителей больше не кажется здравой. Здесь все какие-то... с прибабахом, в общем.

Случайно натыкаюсь на какого-то парня. Лепечу:

– Простите.

Только танцующая рядом с ним девушка нормам поведения не обучена и набрасывается на меня с ходу:

– Ты глаза разуй, шмара! Куда прёшь?! – и пихает меня кулаком в плечо.

Равновесие я удерживаю, тогда как гнев вскипает в одну секунду. Отшвыриваю от себя грабли этой неотёсанной селянки.

– Это ты думай, на кого рамсишь, крыса! – в лёгкую перекрикиваю солиста «Руки вверх» с его мяукающей песней «Ты назови его как меня».

Не удивлюсь, если у них тут кассетная аппаратура стоит, – думаю между делом, а сама подбираюсь и готовлюсь дать нехилый отпор.

Только всё идёт совсем не по плану. Хабалка с пергидрольной шевелюрой идёт красными пятнами. Разевает густо напомаженный рот, переглядывается со своим убогим кавалером, и меня что-то, вернее, кто-то относит в сторону.

– Так вот ты где, милая, – гремит над макушкой приятный басок, и обзор мне закрывает крепкое мужское плечо в мягком белом свитере.

Чтобы разглядеть лицо типа, посмевшего облапать мою спину, чуть отодвигаюсь и ловлю очаровательную улыбку. Яркую, глубокую и белозубую.

Рослый блондин тянет меня в центр зала. Можно даже сказать, вальсирует.

– Это что сейчас было? – уточняю шокировано и пробую выпутаться из цепких лапищ.

– Это? – симпатяга растягивает губы ещё шире и пресекает все мои начинания. Не силой, а как-то деликатно и в то же время настойчиво. Он кивком указывает на тот угол, из которого мы бежали, и ведёт меня чуть вбок, заставляя следовать за собой. – Считай, что я спас прекрасную принцессу из лап разъярённой драконихи.

– Как-то слабовато она походит на принцессу, – парирую я и смело встречаю взгляд той нахальной девицы.

– О, да ты с юмором. Одобряю, – заливисто гогочет парень и раскручивает меня по часовой стрелке, чтобы через пару движений поймать обратно в свой захват. – Может, и имя своё по секрету сболтнёшь?

– Сарая, – лгу без зазрения совести и невзначай ощупываю твёрдые плечи драконоборца. – Это татарское имя, означает «весенний полевой цветок».

– Да? А я Рома, что переводится с англосаксонского как «божественное у тебя имя, Сарая».

– Фопачки, вот мы и нашли друг друга.

– Да, сам с трудом верю в такое стечение обстоятельств.

– Ты местный?

Рассматриваю его с куда большим тщанием и подмечаю, что одежда на нём явно не с рынка. Кашемировый блейзер, фирменные джинсы, кроссовки тоже не голимый Китай. Светло-русые волосы, короткие на затылке и у висков, уложены мягкой волной от лба к макушке. Да ещё зафиксированы гелем.

И пахнет от него не керосином и дешёвым табаком, а туалетной водой и бальзамом после бритья.

– Не то что бы да, скорее гастролёр. У моих родителей тут дача неподалёку. А вот ты тут точно впервые.

– Это с чего такие выводы?

– Да вспомнить хотя бы бесстрашие, с каким ты на Ритку попёрла.

– Оу, ну у неё на лбу не написано, что она тут в авторитете.

– Не, козыряй выше, – он лихо подмигивает и склоняется к моему уху, чтобы ввести в курс дела. – Она дочка председателя.

– Я так сразу и поняла, что колхозница, – отстраняюсь якобы с намерением прохихикаться, а на самом деле спешу вернуться в зону комфорта. Что-то меня слегка повело от его вкрадчивого голоса.

Парняга-то внешне очень даже ничего. Пухлые губы, ровный прямой нос, густые тёмные брови и ангельские голубые глаза. Смазливый, в общем, и по ходу дела в курсе, как влияет на девчонок.

– Очень ты догадливая... Слушай, а уменьшительно-ласкательное у твоего имени есть?

– Конечно! Сара*Ю*шка или Сарайка.

– Воу, тебе идёт, – он одобрительно гладит меня чуть пониже лопаток и резко отталкивает вперёд, чтобы на следующем шаге прижать спиной к своему фасаду.

Его хамские ручищи оказываются у меня на животе. Гладко выбритый подбородок упирается мне в макушку. Он ведёт в танце, притом с такой уверенностью, что у меня не проскальзывает ни малейшего желания отстраниться.

Не следующей песне («Я твой наркотик») ловлю на себе вопящий взгляд подруги. Она тискается неподалёку со своим бульдозеристом и выпученными глазами шлёт мне какую-то морзянку.

Алекс – Юстасу, грузите апельсины бочками.

Понятия не имею, о чём речь. А Лизок дёргает шеей, будто прося обернуться, и закатывает глаза.

– Так ты в наших краях надолго или всего недельку перекантоваться? – продолжает допытываться Рома.

– Я насовсем, – сочиняю на ходу и стараюсь расшифровать сложное послание от подруги. – В мае закончила зоологический техникум, хочу устроиться к вам в колхоз ковбоем.

– Училась ты так себе, по всей видимости, – похихикивает сей бесстрашный рыцарь. – Иначе бы знала, что твой техникум называется аграрным.

– Да? А ты в нём учишься? – разворачиваюсь к нему лицом и хитро прищуриваюсь.

Местный диджей, наблюдая за оживлением в зале, добавляет громкости. Динамики начинают хрипеть и басить на последнем издыхании, а нам приходится перекрикивать эту какофонию.

– Почти угадала. Я закончил третий курс МАРХИ. Прозябаю на скучном факультете градостроительства.

И столько самодовольства и павлиньей важности в его тоне, что невольно хочется поставить его слова под сомнения.

О градостроительстве я знала лишь благодаря игре «The Sims».

– Мархи – это что-то московское, правильно? – решаю поверить хвастуну на слово.

– Московский архитектурный институт, сокращённо МАРХИ, – кичится парень.

– И кем же ты будешь после выпуска?

– Вообще это строжайший секрет, но с тобой я готов им поделиться, – паясничает Рома и нависает над моим ухом всей своей миловидной мордашкой. – Я тоже в аграрии мечу, так что можем посоперничать.

Он напускает мурчащих интонаций, и по моему затылку змеится предательский холодок. М-м-м, а он хорош. Прям профи в искусстве соблазнения.

Только намереваюсь навесить улыбку на свою поплывшую моську, как сзади кто-то настойчиво хватает меня за локоть и тянет назад.

Лизка, поганка, отзывает меня на два слова, но перед этим любезно бросает блондину:

– Привет, Ромыч, давно не виделись! – а после несколько раз моргает, отбивая очередную шифровку мне. – Я украду у тебя Эмку на пару слов, ок?

– Если только с возвратом, – беспечно отзывается будущий архитектор и добавляет вполголоса: – Эмка, значит.

– Угу.

Лизаветыч таранит меня, как на буксире, к выходу. И набрасывается сразу на крыльце.

– Совсем с головой не дружишь?! Ты нафига к Гурьеву полезла?!

Ответить не успеваю, потому что входная дверь хлопает и выпускает кусочек залихватской мелодии и троицу визгливо хохочущих девиц, одна из которых... Да, та самая разъярённая драконiха, с коей я сцепилась посреди танцпола.

– Слышь, курва, ты откуда к нам такая смелая прискакала?

Ещё до того, как придумываю ответ, обесцвеченная красотка пихает сумочку в живот своей подружке и диким испанским быком прёт на меня.

Вот это поворотец!

Эмма Вяткина, 19 лет, студентка Иркутского колледжа олимпийского резерва

Рома Гурьев, 20 лет, студент МАРХИ (Московского архитектурного института)

Илья Зарубин, 19 лет, солдат срочной службы

*Если парни кажутся Вам знакомыми, то Вы правы - не кажутся. Это мои самые большие любимки из цикла "Мои две половинки"*https://litnet.com/shrt/g2fa

Я нарочно не вношу "Дилемму для Эммы" в цикл, чтобы не вызывать путаницу. Эта история АБСОЛЮТНО никак не связана с первыми книгами. Сони в ней не будет и быть не может, Рома и Илья познакомятся с ней лишь через 12 лет.

Но мне всегда было интересно, а как это у них получалось играть с девчонками аж с 17-ти лет. Вот мы и разберёмся с их "обычаями" в этой истории.

Глава 2

Зрители потихоньку скапливаются на крыльце сельского клуба. Ветер треплет мою чёлку, в уши пробивается гул музыки, доносящийся изнутри.

Лето, сумерки, воздух ещё тёплый, но уже пахнет вечерней свежестью. Вокруг с десяток лиц парней и девушек: кто-то смеётся, кто-то переговаривается, иные с интересом наблюдают за подготовкой нашего маленького моноспектакля. И тут эта крашеная блонда с перекошенным от злости лицом взрывается.

– Ты что себе позволяешь?! – орёт она, тыча в меня пальцем. – Думаешь, самая умная?

Я лишь слегка приподнимаю бровь. Чутьё подсказывает: много крика, мало дела. С такой и связываться неохота. Так что пробую повернуться спиной.

– Успокойся, – говорю я ровно. – Ничего такого я не сделала.

– Гляньте-ка на неё! – она делает шаг вперёд, потом ещё один. – Ничего не сделала! Не успела появиться, как давай хвостом крутить, к Костьке, вон, моему, клеилась.

Странные у них тут порядки. Случайно врезаться в парнишку – это хитроумный метод соблазнения?

Парировать эту глупость я не успеваю. Чиканутая девица бросается вперёд, пытаясь схватить меня за волосы. Я легко уворачиваюсь – рефлексы отработаны годами тренировок. Джиу-джитсу с восьми лет – это не просто спорт, это часть меня. Без пафоса признаюсь, что не далее как весной получила коричневый пояс, который означает высокий уровень мастерства.

Колхозница машет руками, пытается ударить, но её движения слишком предсказуемы. Я отступаю на шаг, оцениваю дистанцию. Она снова бросается. Я перехватываю её руку, делаю подсечку и мягко, но уверенно укладываю её на бетонный пол крыльца.

Вокруг раздаются возгласы. Кто-то ахает, кто-то одобрительно свистит.

– Хорош бычить, – говорю я, не ослабляя захвата. – Успокоилась?

Но та не сдаётся. Сзади прорываются её подружки: три девицы (*когда только успели размножиться?*) с вызывающими лицами. Одна сразу хватается за мой хвост, другая пытается толкнуть в спину.

Я резко разворачиваюсь, освобождаясь от хватки первой, и использую инерцию её же рывка – она теряет равновесие и чуть не падает. Вторая замирает, увидев мой взгляд.

– Ещё шаг – и я не буду такой вежливой, – предупреждаю, чтобы ненароком не покалечить.

Третья, самая высокая, всё же решается напасть. Она замахивается, но я уже знаю, что будет дальше. Ухожу с линии атаки, подхватываю её за локоть, делаю бросок – и вот она уже лежит рядом с подругой, тяжело дыша.

Тишина. Все смотрят на нас. Пергидролька наконец-то молчит, её лицо больше не искажено злобой. На нём отчётливо проступает растерянность. Уцелевшие подпевалы переглядываются, отступают на шаг.

Я демонстративно отряхиваю руки. Дыхание ровное, сердце бьётся спокойно – ничего экстраординарного, просто отработанная техника.

– Давайте без глупостей, – говорю я вполголоса, но так, чтобы все услышали. – Мы можем разойтись по-хорошему.

Кто-то хлопает в ладоши. Зрители начинают перешёптываться. Забияка медленно поднимается, отряхивает джинсовую юбочку. Группа поддержки помогает встать. Хамка бросает на меня последний взгляд – уже не злой, а скорее мстительный, но вместе с тем трусливый.

На меня алым паровозом мчит Лизка, хватает под руку и уволакивает в сторону. Шипит коброй:

– Ну что ты за бестолочь такая, Эм? Ни на секунду одну оставить нельзя!

– Так и не оставляла бы, – хохочу беспечно и закидываю ей руку на плечо.

– Ага, а Толик?! Он у меня, знаешь, какой? Вмиг окрутят и уведут. Надо держать ухо востро!

Мне хочется воскликнуть: «Да было бы чем дорожить!», но это как-то не по-дружески, поэтому я перевожу тему.

– А этот Рома – он кто?

– Так мажорик местный. Часто на уикенд сюда наведывается. Дача у них в нашем посёлке. Ну как дача – огромный такой домина из кирпича в два этажа. Мамка у него ювелиркой торгашит, папахен вроде ректор или декан в иркутском универе. Не то в нархозе, не то в госе – да не суть! Денег у них жопой жуй – вот это все со стопроцентной точностью знают. Но главный его недостаток...

Лиза прикусывает палец, словно размышляя, говорить или нет. Потом всё же решается на полную откровенность.

– В общем, кобелина он. Всех наших местных девах перепортил, да ещё...

– И тебя тоже? – уточняю со смехом и по тому, как розовеют щёки у Лизаветы, понимаю, что случайно попала в точку.

– Да ну тебя. Мы тогда совсем мелкие были, лет по шестнадцать, наверное. Он был моим первым.

Последнее предложение преисполнено мечтательности, скорее даже фанатичной тоски по ушедшему прошлому.

Мы вышагиваем вдоль грунтовой дороги. На мне практичные кеды, плечи согревает мягкий свитер, а вот разряженная по последней деревенской моде Лизка с трудом шкандыбает по булыжникам на своих ходулях. Да и платьице в облипочку длиной до середины бедра сковывает движения, зато тепла почти не даёт.

Замечаю, как красотуля ёжится, и подбиваю её ускориться.

– А давай бегом? Наперегонки? – предлагаю в пылу азарта.

– С дуба навернулась? Я ж ноги переломаю.

В спину нам бьёт свет автомобильных фар. Гравий шумит под колёсами. Приблизившись, приземистое авто снижает скорость. Затем и вовсе притормаживает.

– Куда подбросить двух красавиц? – слепя улыбкой, спрашивает Рома.

Бабник, значит. Оно и видно. Все повадки, ужимки и прыжки отрепетированы многократно.

– Мы к марафону готовимся, так что сами дошлёпаем, – отвечаю довольно дерзко и тащу к себе Лизку, чтобы не сболтнула лишнего.

Упрямо продолжаем путь, оставляя дорогую (наверное, хотя в марках я разбираюсь слабенько) иномарку позади. Мотор глохнет, хлопает дверца и срабатывает сигнализация – это упёртый парняга спешит составить нам компанию.

Ровняется со мной и панибратски пихает кулаком в плечо.

– А давай на спор, Чёрная Мамба [*имеется в виду главная героиня фильма «Убить Билла»– здесь и далее примечание автора*]! – предлагает он дерзко. – Наперегонки вон до того дерева, – и машет рукой в сторону одиноко стоящей осины посреди поля. – Выиграешь ты, с меня любой каприз. А если я...

– Получишь в нос, притом при любом раскладе.

– Ну, то, что ты засандалить можешь – это я уже видел. И впечатлился, уж поверь. Джиуджитсу, если не ошибаюсь?

– Тхэквондо, – поправляю с наглой ухмылкой. – Ещё владею техникой айкидо и сольфеджио, так что могу так послать...

– Да понял я, понял, – перебивает Рома мою пылкую речь. – Сдрейфила. Но ты ж девчонка, тебе простительно.

Застываю, как громом поражённая.

– С чего ты взял, что я струсила?

– Так языком молотишь безостановочно – обычное дело для пустозвонов.

Вот же быдло! В крови на счёт раз вскипает азарт под адреналиновым соусом.

Резко срываю сумочку на длинном ремешке через голову, пихаю её Лизке и встаю на низкий старт.

Краем сознания понимаю, что меня просто развели на слаб*О*, помаячили перед носом красной тряпкой с надписью «да ты всего лишь девчонка», только от участия в дебильных соревнованиях меня это не удерживает.

Ох, чую, поизголяюсь над маменькиным сыночком!

Рома серьёзнеет и пригибается к земле вместе со мной.

– На счёт три? – бросает он мне в лицо откровенный вызов.

– Три! – выдыхаю сквозь стиснутые зубы и срываюсь с места.

Противник мешкает лишь мгновение, следом бросается вдогонку и держится на удивление бодро.

Ноги у него длинные, дыхалке мог бы позавидовать саксофонист, да и физическая форма не подкачала.

Я рвусь, как ветер, что свистит в ушах. Лечу прямо через поле, утопая по пояс во влажной от вечерней росы траве. Вижу цель, и паника верещит напропалую: сейчас опрофанимся. Вместе со своей холёной гордостью и ребячливым желанием утереть мажорские сопельки.

Рома уделывает меня по всем пунктам. Вначале обгоняет секунд на пять, потом делает круг почёта у клятого дерева и неспешной трусцой направляется ко мне.

– Кстати, я передумал насчёт своего приза, – выдаёт с лёгкостью, будто не сбился в процессе с дыхания. – Прокачу по доброте душевной, а с тебя хочу стребовать свидание.

– Исключено. Я не свободна, – говорю отрывисто и всем телом припадаю к шершавому стволу.

Упираю руки в колени, глубоко втягиваю воздух носом и мелкими глоточками выпихиваю назад.

– Просватана уже что ли?

– Ага. «Я другому отдана и буду век ему верна», – вольно цитирую классика.

– Вот незадача, – Рома и не думает огорчаться, обмахивает моё лицо ладонями и продолжает задумчиво: – Ну, раз ты чужая невеста, так уж и быть. Дружеский пикник завтра на закате. Уже бывала на местной дамбе?

Что мешает мне отказаться? Понятия не имею, но язык отчего-то лепечет:

– У тебя будет час на пожрать и полюбоваться видами.

– Какая ты строгая, татарочка, – цокает он языком, однако не спорит.

Час уединения с Казановой? Мне ведь под силу такое вытерпеть? А то!

Глава 3

В лагерь возвращаемся тем же путём, каким свинтили накануне вечером. Рома гасит фары и глушит двигатель прямо посреди дороги.

Мы с Лизкой вываливаемся с заднего сиденья, шикаем друг на друга и на полусогнутых добираемся до забора.

К несчастью, назойливый легкоатлет крадётся за нами следом.

– Так вот, откуда ты взялась, неместная, – осеняет его, притом чересчур громко для столь позднего часа.

Не хватало нам ещё спалиться перед старшим воспитателем. Она, Ираида Михайловна, баба суровая. В одночасье запакует наши вещички и выставит за ворота за самоволку.

Поэтому от души луплю болтуна по спине и прикладываю палец к его губам.

– Тише ты.

Он лыбится и машет своей ухоженной гривой.

Я первой лезу на верхотуру, хотя по уму следовало пропустить вперёд Лизу. Она тот ещё Спайдер-мен, тем более с этими каблучищами и в коротком платьице... Но тогда мне бы выпала честь остаться наедине с Ромой, а это почему-то вызывает тревогу.

Цепляюсь руками за верх, подтягиваюсь, упираюсь ногами в прутья ограждения и с ловкостью кошки оказываюсь по ту сторону. Тут же складываю ладошки лодочкой и помогаю недотёпе Лизке перебраться на территорию лагеря.

Мажорик проявляет чудеса галантности и подпихивает каракатицу вверх под попу. Или пользуется моментом, чтобы облапать мою подругу – неважно.

– Ой, мамочки, – визгливо пищит эта неумёха, когда чуть не срывается вниз. – Ром, Ром, держи меня!

– Не сцы, я только тем и занят. Перекидывай ногу.

– Куда? – тупит сие убожество.

– Через ограду, – пыхаю от злости.

Вот если мы благодаря этой верблюдице попадём под раздачу – я за себя не отвечаю. Отделаю её по полной программе и плевать, что подруга.

– Давай-давай, Эмка тебя страхует.

Вот же увалень ушастый! Расслышал-таки, как меня зовут.

– Да-да, – подтверждаю со всей серьёзностью. – Гравитируй уже к земле, я поймаю.

С горем пополам уговариваем трусиху одолеть этот непростой квест.

Дальше у меня в планах дать дёру, только резвоногий бегун суёт руку между прутьями и ловит меня за грудки.

– Завтра, на этом же месте и в это же время, – напоминает он. – Карточный долг, знаешь ли, подлежит возврату в полном объёме.

– Ну так то карточный. А мы спорили чисто на интерес.

– Я спорил на свидание. Ты от него сама отказалась.

– Да, потому что у меня есть муж.

– Да что ты? Аж целый муж...

Отлепляю его хамские пальцы от своей блузки и отхожу на шаг. Потом резко разворачиваюсь на пятках и скрываюсь за фасадом корпуса для вожатых.

Во всём теле ощущается лёгкость.

Пока крадусь по тёмному коридору, вспоминается наш затянувшийся танец. Сколько мы протоптались бок о бок? Песен десять, не меньше. А всё почему?

Размышлять некогда. Прямо на пороге нашей комнаты чья-то рука выскальзывает из темноты и сгребает меня за шиворот.

– Тихо! Ираидка по корпусу с обходом шастает, – слышу в ухе шипение Лизы. – Живо падаем под одеяла.

Я накрываюсь с головой и вытаскиваю телефон. Жадно проглатываю смски от контакта «Илюша».

Их так много, что мне приходится затолкать в рот костяшки, чтобы не оглушить соседей поросячьими визгами.

«Сегодня на разводе стоял как памятник самому себе. Командир сказал «выправка отличная» – видимо, перепутал меня со столбом».

«Поел «праздничного» обеда в честь пятницы. Суп похож на воду после мытья полов. Но я выжил. Гордись мной».

И я горжусь, хотя мы и не знакомы вживую. Около полугода назад познакомились по переписке. Мой номер Илья набрал случайно, хотел созвониться с каким-то школьным приятелем и перепутал цифры. Вместо «3344» на конце набрал «4433» и попал на меня.

Недоразумение выяснилось быстро. Парень извинился за рассеянность, а следующим вечером прислал такое сообщение:

«Голос у тебя бархатный. До сих пор из головы не выходит».

Я ответила вежливое: «Спасибо за комплимент».

Он прислал в ответ незатейливый мем, и что-то подтолкнуло меня заглянуть в его профиль в мессенджере.

Жгучими карими глазами он сразил меня наповал. Такая глубина ощущалась в его взгляде и столь несвойственная парням его возраста мудрость...

Слово за слово, завязалась переписка. От незатейливых «привет, как дела» мы довольно быстро перешли к буквенным баталиям и часами напролёт не выходили из онлайна.

Я быстро накидываю ответ на его сегодняшние послания и с удовольствием читаю огромный столбец текста.

«Сегодня отжимался до состояния желе. Зато теперь знаю, что такое «ещё пять раз» в интерпретации старшины. Это как ад, но с подсчётом.

Ты, кстати, спрашивала, не скучно ли мне в армии. Ну, скучать некогда – тут либо маршируешь, либо отжимаешься. Но если было бы можно, скучал бы по тебе. В перерывах между отжиманиями.

На вопрос «как ты», напишу банальщину: нормально. Если считать нормой, что я теперь знаю, сколько раз можно проклясть лопату за час рытья окопа. Ответ: 3600 раз, по разу в секунду.

Что нового у меня? Научился спать стоя. Пока рекорд – 17 секунд. Но это только начало. Через месяц точно стану чемпионом по армейскому сну».

Обожаю его колкое чувство юмора. От всех этих вскользь оброненных шуточек всегда теплеет на душе. И чтобы разморило окончательно, я поднимаюсь вверх по ленте сообщений и выхватываю глазами наиболее полюбившиеся.

«На учениях изображал из себя спецназовца. В итоге заблудился в трёх соснах. Нашли через час. Сказали, это тренировка на выживание. Ага, на моё».

«Кровать заправил так, что даже подушка встала по стойке «смирно». Командир проверил – кивнул. Видимо, не заметил, что я при этом за спиной показывал ему фигу».

«Калининград – город исторический. Ходил в увольнение. В городе купил булку. Стоит как танк, но хотя бы съедобна. Армия учит ценить простые радости».

«Видел море. Оно большое. И мокрое. Очень мокрое. Как мои носки после кросса по плацу».

«Город красивый, но мне нельзя долго смотреть – вдруг захочу остаться? А у меня план: отслужить и вернуться в Ирк, чтобы познакомиться с одной очень красивой девушкой».

Моя улыбка становится ещё шире при виде следующего сообщения:

«Всё хорошо. Не волнуйся. Я же не волнуюсь, что ты там без меня флиртуешь с каждым вторым. (Шучу. Наверное.)»

Напоследок залажу в галерею и вывожу на экран Илюхину фотку. Веду пальцем по коротко остриженным волосам, густым чёрным бровям и идеально прямому носу. Застываю над губами и пробую вообразить наш поцелуй. Мне почему-то кажется, что он не будет нежным или трепетным, скорее напористым и очень жадным.

На самой красочной ноте меня прерывают. Это Лизка, неугомонная стерва, срывает с меня одеяло и падает рядом с моей кроватью на колени.

– Ты с Ромычем на свидание намылилась – я правильно расслышала? – ревниво пыхтит она мне в лицо.

– Скажешь тоже, – фыркаю и торопливо гашу экран, чтобы не попасться на горяченьком. – Утру его мажорский нос, и разойдёмся по домам.

– Ох, Эмка, не с того ты начинаешь... И напрасно его недооцениваешь. Гурьев… он всегда своего добивается.

Я не удостаиваю «заботливую мамашу» ответом. Не вижу смысла оправдываться, тем более телефон в моей руке вдруг оживает вибрацией, и сердце отзывается таким же трепетом.

Отворачиваюсь к стене, а когда Лизок возвращается в свою постель, проглатываю весточку из Калининграда.

Илья: Как прошла твоя первая рабочая неделя в качестве вожатой?

Эмма: Неделя прошла как заезд на татами – динамично и жёстко, но я победила! Дети оказались не такими уж «милыми карапузами», как обещали на инструктаже, а настоящей бандой ниндзя. Но я их уже почти приручила. Научила главному правилу джиу-джитсу: «Сначала слушаем вожатую, потом делаем, и только потом возмущаемся». Короче, держим оборону, всё под контролем! А как у тебя?

Илья: Живу по уставу, сплю по команде. Неделя прошла под знаком «выпрями спину и не задавай вопросов». Зато теперь я знаю, как выглядеть невозмутимым даже в аду. А ещё... Жду момента, когда смогу снять эту форму и показать, что я умею не только маршировать. Тогда и выясним, кто круче – вожатая или солдат-срочник!

Эмма: Тут без вариантов, ты в пролёте

Илья: Дерзишь, малявка?

Эмма: Заранее настраиваю тебя на смирение. Поражение принять сложно

Илья: Ну попадёшься ты мне осенью (*смайлик с приподнятыми бровями*)

Эмма: Даже интересно, чем таким страшным ты пытаешься меня запугать?

Илья: Всего лишь предупреждаю

Эмма: О чём? (*колобок с большими глазами*)

Илья: О возможных последствиях

Эмма: Добавь конкретики

Илья: Я намекну. Меня призвали ровно 215 дней назад. Мой дембель, если без косяков, случится не раньше, чем через полторы сотни дней. Как думаешь, по чему я истосковался больше всего?

Эмма: По вкусной домашней еде?

Илья: Допустим. А если вычесть еду, сон и отдых

Эмма: По своей семье?

Илья: Это вряд ли

Эмма: Почему так? Ты вроде не рассказывал, что кто-то недавно тебя навещал

Илья: Никто. Да я и не жду. Давай сменим тему

Эмма: Ок

Хочу взять паузу, чтобы подумать над следующим сообщением, но Илья опережает.

Илья: Я тут, кстати, прохожу курс «Как не думать о девушке, когда спишь на казарменной кровати». Пока оценка «удовлетворительно». Но я работаю над улучшением показателей

Я прыскаю в кулак и ввязываюсь в игру. Это у него там сейчас восемь часов вечера, а на моих хронометрах глубокая ночь и страшные цифры «02:10». Самое время творить глупости.

Эмма: О, я могу повысить сложность задания. Представь, что я рядом, шепчу что-то на ухо и пытаюсь расстегнуть верхнюю пуговицу твоей формы. Как успехи?

Илья: Форма пока держится, но внутренний сержант уже салютует белым флагом. Боюсь, при личной встрече моя хвалёная дисциплина даст трещину

Эмма: Трещина – это только начало. Держись, рядовой Зарубин. Тренируй выдержку, она тебе пригодится

Илья: Да к чёрту всё

Не успеваю понять, что за эмоции скрываются за этими буквами, как телефон в моих руках разрывается от вибрации. Мелко дрожащими пальцами принимаю вызов и шиплю в трубку:

– Илюш, погоди, я срулю из спальни.

– Ты ещё и шепчешь в ответ, – разражается он густым смехом. – Дьяволица какая. Считаю до трёх...

Глава 4

Утро начинается с беготни. Умыться, собраться, наспех закинуть в себя кружку растворимого кофе и приступить к обязанностям вожатой.

Радует лишь то, что Лизок выглядит куда помятее меня, и на утреннем построении зевает после каждой произнесённой фамилии.

Провожаем детей сначала в умывальник, потом дружно делаем зарядку и топаем на завтрак.

Мои сорванцы, пятиклассники, смотрятся образцово-показательно. Накануне пришлось приструнить нескольких выскочек – конечно, не обошлось без демонстрации силы, показала парочке забияк, что я не лыком шита, – с тех пор у нас в отряде полное взаимопонимание.

Все молча уплетают овсяную кашу. Даже кривляка Мирослава, которая по первости выбешивала меня своими выкрутасами «это я не ем, а это пересолено/недосолено/несъедобно», молча работает ложкой.

Дальше время летит незаметно. Тихий час я, как и большинство девчонок из нашей спальни, использую по назначению и валюсь мордой в подушку с обещанием, что сегодня лягу пораньше.

Позднее мельком вспоминаю о проигранном споре и отмахиваюсь от какого-то восторженного предвкушения. Не стану я радоваться какому-то пикнику в компании улыбчивого оболтуса. У меня вообще где-то там на берегу Балтийского моря парень имеется.

И всё равно ближе к ночи улавливаю отголоски волнения. Нарочно откладываю сборы на самый последний момент.

Вполуха прислушиваюсь к беседе девчонок, краем глаза поглядываю на новостную ленту и гоню прочь неуместное ликование.

– Ой, не знаю, чего там ломаться, – беспечно тараторит Лизок. – Я Толика долго за нос не водила. Недельку заставила поухаживать и всё, сдалась. Мне и самой секс нравится.

– Он у тебя первым был? – любопытничает Нелька.

Лизавета бросает не меня короткий предупреждающий взгляд и врёт без зазрения совести:

– Ну естественно. Не распыляться же на кого попало.

– И правильно, – поддерживает Олеся, хитрожопая льстица. – Я тоже не разменываюсь. Как со Стасиком сошлись после десятого класса, так и держимся вместе.

Я фыркаю про себя. Видела я её методику верности в действии: после отбоя обжималась за верандой с каким-то хлюпиком из старшего отряда.

– А у тебя как с этим, Эм? – нахально пристаёт Нелька.

– Да как у всех, – пожимаю я плечами, потягиваюсь и беру несессер с мыльными принадлежностями.

Ещё позёвываю для правдоподобия и, шаркая тапками, плетусь в ванную. Воровато озираюсь по сторонам и шмыгаю в противоположный коридор.

На улицу вылезаю через окно в туалете первого этажа. Сквозь кусты продираюсь к дальнему забору, ещё раз убеждаюсь, что свидетелей поблизости нет, и с разбега взбираюсь на ограждение.

Мешкать некогда, так что сразу группируюсь и готовлюсь к прыжку, однако что-то идёт не по плану. Чувствую чьи-то руки на бёдрах, пугаюсь и чуть не срываюсь вниз.

– Тише ты, татарочка. Спалимся ведь.

– А нефиг людей хватать за всякое, притом без спроса.

Я оказываюсь на земле, но выпрямиться боюсь. Так и шмыгаем в спасительную темноту на полусогнутых. Рому я узнаю по голосу, в котором отчётливо слышится нотка смешинки.

Плюхаюсь на пассажирское сиденье, обвязываюсь ремнём и сползаю едва ли не до пола, чтобы не отсвечивать.

Мажористый бабник падает рядом. С довольняцкой рожей пялится на меня и заводит двигатель.

От лагеря отъезжаем с черепашьей скоростью и выключенными фарами.

– Думал, всё-таки продинамишь меня, – заводит он ниочёмную болтовню.

– Долг платежом красен. У тебя ровно час.

– А дальше что? Карета превратится в тыкву? – глумится он.

– Нет, по тыкве получишь ты.

– Да с превеликим удовольствием, но только в обмен на что-нибудь.

– Домогательства оставь при себе. Я родом из религиозной семьи. У нас вся физиология строго после вступления в брак.

– Так выходи за меня!

– Ты в курсе, что татары – мусульмане?

Меня удивляет лёгкость, с которой мы обмениваемся репликами. Даже задумываться не приходится – мели себе на здоровье всё, что на ум приходит, а Рома поддержит любой бред.

– Намекаешь, что меня ждёт смена религии?

– Ага, с последующим обрезанием.

– Так у тебя виды уже и на моё достоинство?

– Уверен, что не допустил подмены понятий?

– Ты за то, чтобы называть вещи своими именами? – лихо поигрывает он бровями.

– Да, малыш.

– Вот мы и докатились до мещанских прозвищ.

– Вас там в МАРХИ вынуждают углублённо изучать русский язык?

– Случается порой. Литературу у нас преподаёт занудный старикан, ярый фанат классиков от Грибоедова до Чехова. Попробуй проволынить с каким-нибудь «Вишнёвым садом» – в порошок сотрёт и до мизерного состояния загнобит своими седыми бровищами. А вот где ты учишься, я до сих пор не в курсе.

– Зоологический техникум, факультет тройного надоя, – напоминаю я с хамоватой улыбочкой и всматриваюсь в пейзаж за окном. – Я уже выпускница, кстати.

Мы целых двадцать минут продираемся куда-то вдоль Байкальской трассы. Неужели я села в машину к отъявленному маньяку? Сейчас обесчестит и прикопает где-нибудь в тихом лесочке. Наверное, зря я стартанула на этот пикник втихомолку.

– То есть доярка с дипломом?

– Да, сейчас как раз коплю на новомодный доильный аппарат. Не подскажешь, куда мы едем? – решаюсь задать вопрос, когда машина внезапно съезжает на просёлочную дорогу, и под колёсами похрустывает гравий.

– Так на дамбу.

– Она вроде в другой стороне, – начинаю я всерьёз опасаться за свою жизнь. Запоздало. Очень.

– Если со стороны плотины заезжать – да, а мы прямо к водохранилищу подгоним.

Плакал мой здоровый восьмичасовой сон. Радует лишь, что по воскресеньям подъём на час позже. Авось не вывихну челюсть, когда буду завтра клевать носом.

Сразу за пределами салона автомобиля нас встречает гулкий рёв воды, кромешная тьма и зашкаливающая влажность. Воздух такой сырой, что впору напяливать акваланг. И вместе с тем пахнет просто нереально.

Рома быстро организует на капоте фуршет. На белой скатерти появляется корзина с припасами, два термоса с чаем и кофе и походный набор посуды.

– О, так ты не шутил насчёт пикника?

Достаю из плетёнки блюдце с бутербродами, тарелку канапе из фруктов и коробку с пирожными. А парнишка-то нехило расстарался ради выигранного спора.

– Обижаешь, – якобы дуется он и наполняет пластиковый стакан чаем. Протягивает мне. – Я слов на ветер не бросаю.

– Что-то ты не слишком похож на молчуна.

Пробую отдающий мятой напиток и ежусь от контраста температур. Снаружи промозглая ночь, а в желудок проливается обжигающий чай.

Как по волшебству Рома организует плед и набрасывает его мне на плечи. Понятно, уровень продуманности – эксперт.

– Часто катаешь сюда девчонок? – прозорливо подмечаю я, хотя получается озвучить вопросом.

– Не, совсем романтикой не заморачиваюсь. Просто хотелось тебя впечатлить.

Он небрежно облокачивается на капот и тянет в рот шпажку с фруктами.

Мои глаза уже привыкли к темноте, так что без труда различаю, как он по очереди стаскивает с канапе кусочки: арбуза, банана и половинки клубники и помидорки черри. Недурственное сочетание.

– Я не впечатлительная.

– Это я заметил, но ведь ещё не вечер.

– Правильно, сейчас ночь. Здорово вас в Москве учат разбираться во времени суток.

– Колючая какая. Мужененавистница?

– Скорее страдаю острой формой кобелиной непереносимости.

Рома комично озирается по сторонам, вытягивается на носочках и даже за спину мне заглядывает.

– Слушай, да нет поблизости ни одного Тузика.

– Ошибаешься, – я улыбаюсь в ответ на его кривляния. – Он прямо передо мной.

– Ой, как обидно прозвучало, – театрально хватается он за сердце. – Думаешь, я тебя кадрить пытаюсь?

– Не исключаю такой возможности.

Стою напротив, мелкими глотками цежу изумительно вкусный чай и запрещаю себе реагировать. А рука будто сама тянется к волосам и норовит намотать на палец кончик хвоста.

Бесовское у него обаяние. И мозги на порядок выше, чем у сверстников. Да и с лица такой лапочка, что поневоле расклеишься.

Только я не наивная ромашка. Десятилетие жёстких тренировок научили меня самоконтролю в любой ситуации.

– Брось, Эм. Кстати, а как звучит полное имя? Ну которое второе после Сараи.

– Эмма.

– Не, так не пойдёт. Доярка Эмма – совсем не сочетается. Поступай к нам в МАРХИ на вышку, будешь главным архитектором Эммой.

– Я лучше мореходку закончу, стану капитаном дальнего плавания Эммой Эдуардовной.

– Красивые у тебя инициалы. Э.Э. Вроде заикания.

– Какой лестный комплимент. Теперь становится ясно, что ты действительно меня не клеишь.

– А я тебе о чём, братуха? Давай корефанить, – он смелеет настолько, что хлопает меня якобы дружески по плечу, но руку быстро не убирает и мимолётно проходится большим пальцем по основанию шеи.

Я подвоха не жду, поэтому чуть не давлюсь кусочком ананаса и отступаю на шаг.

Рома вскидывает ладони вверх, сдаюсь, мол.

Приходится прокашляться, прежде чем заговорить снова.

– У тебя дефицит друзей, что ли?

– Ага, приятелей навалом, а вот по-настоящему родственных душ что-то не наблюдаю. Ну, знаешь, чтобы и на рыбалку скатать, и в зале вместе потренить, и в клубешнике отжечь.

Какой же он балабол. Уши вянут слушать. И в то же время меня эта клоунада расслабляет.

– А давай реванш? – ляпаю без раздумий и запихиваю в рот виноградинку.

– Опять наперегонки до трассы? – с азартом ввязывается Рома.

– Не, скучно. На отжимания смогёшь?

– Хорошо, что тебя сейчас не слышит Парфений Игнатьевич. У него за такие словеса и отгрести можно по хребтине. Смогёшь, жуть.

– Так это «да» или сдулся?

– Крошка моя, Роман Гурьев за любой кипиш, кроме эксгибиционизма, – он засучивает рукава чёрной толстовки и потирает ладони. – Прям тут на земле?

Я киваю, сматываю волосы в гульку и накрепко завязываю резинкой.

– Отлично, на что спорим в этот раз? – так и пышет парниша энтузиазмом.

– На мою индульгенцию. Если выиграю я, вычёркиваешь меня из своего списка братанов.

– Карельские подосиновики, какие термины тебе знакомы. Вы все такие умные на факультете тройного надоя?

– А то! К коровам, знаешь ли, подход нужен. Это вам не макетики на столе строить.

– Лады-лады, признаю твоё интеллектуальное превосходство. Теперь слушай моё требование: неделю изображаешь из себя моего другана.

Что за незатейливые у него фантазии? Впрочем, неважно. Главное, что не девушку.

Мы скрепляем спор рукопожатием, и я впервые замечаю разницу в росте. Рома выше на целую голову. Плюс ко всему у него очень мягкие руки. Приятные. Не потные, не волосатые и не мозолистые. И кожа на них очень гладкая. Мажорчик же.

Принимаем упор лёжа. Мне тут же вспоминаются шутливые жалобы Ильи на эту тему. Знал бы он, чем я промышляю на досуге...

Хотя нет, о таком лучше не распространяться. Мы не давали друг другу никаких обещаний, просто договорились встретиться после его дембеля. И всё же где-то в глубине души я чувствую себя предательницей.

Выбрасываю из головы всё лишнее. Отвечаю на насмешливый взгляд Ромки, потом утыкаю глаза во влажную траву и приступаю к упражнению.

Замечаю, что мой оппонент нарочно усложняет себе задачу и отжимается на кулаках.

Он сам считает вслух и почему-то подстраивается под меня. То есть в прямом смысле ждёт, пока я вернусь в исходное положение, и лишь тогда озвучивает цифру. Джентльмен чёртов.

Двадцать раз даются без труда. Я в планке могу простоять полторы минуты, а при должном разогреве и все две. Однако на двадцать шестом повторе руки начинают дрожать. Я сбиваюсь с ритма, что не остаётся незамеченным.

– Ты как, татарочка? – без единой запинки спрашивает этот атлет.

– Твоими молитвами. Считай дальше.

Я сцепляю зубы и уверенно опускаю торс вниз. Рывком выпрямляю руки и через силу продолжаю.

Мышцы горят огнём. С носа капает испарина. Я всё жду, когда откроется второе дыхание, и в игру вступит взращенная на соревнованиях жажда побеждать, только напрасно.

Я не новичок в спорте и умею определять состояние соперника. Рома ничуть не притомился. Наоборот, ловит кураж от всего происходящего. Он легко одолеет вдвое больше отжиманий.

Нафиг я вообще ввязалась в этот спор? Да ещё с физически подготовленным парнем. Самонадеянная идиотка.

– Всё, сдаюсь, – в изнеможении падаю лицом в траву на тридцатом рывке, перекатываюсь на спину и зло пялюсь в звёздное небо.

А Рома над моим ухом продолжает усиленно пыхтеть, притом темп ускоряет чуть ли не вдвое.

Кошусь на него, как на буйного психа, и зависаю на сосредоточенной моське.

– Если думаешь, что в финале тебя ждёт суперприз, то спешу огорчить, – пытаюсь остановить этот парад гендерного превосходства.

– А. Как. Насчёт. Твоего. Номера. Телефона?

– Могу только абонентский ящик назвать. Пиши туда до востребования.

Рома выкрикивает последнюю цифру «пятьдесят» с такой бравадой, что мне его щёлкнуть по носу хочется. Позёр. Затем резко отталкивается от земли руками, выпрямляется и тянет меня за собой.

Глава 5

Я веду свой отряд в столовую на завтрак. Июньское утро пылает солнцем – оно уже припекает вовсю. В воздухе витает аромат свежескошенной травы и сладкого озона, словно к обеду намечается гроза.

Как и ожидалось, выспаться мне не удалось, поэтому соображаю с превеликим трудом. И реагирую на внешние раздражители тоже с задержкой.

На столах уже дымится каша, булочки сверкают румяными боками. От ароматов выпечки и ягодного компота сразу просыпается аппетит.

Мой отряд идёт слаженно, как на параде. Девчонки перешёптываются, но без лишнего шума – знают правила.

– Так, всем приятного аппетита, – говорю я мягко. – Не торопимся, жуём тщательно. И не забываем про какао, оно сегодня особенно вкусное!

Оглядываю зал. Другие отряды – как разные планеты. Рядом, за соседним столом, мальчишки из третьего гоняют по столу хлебные шарики. Их вожатая Лена зло пыхтит и машет руками:

– Серёжа, прекрати сейчас же! Игорь, убери руки со стола!

Чуть дальше, у окна, сборище малышей хохочет во весь голос и размахивает ложками. Их вожатая Неля, моя соседка, только качает головой и улыбается сквозь усталость.

А за дальним столом, где сидят старшие ребята, назревает не просто спор – настоящая буря. Подхожу ближе, прислушиваюсь.

– Ты опять за моё место? – шипит жилистый парнишка, сжимая кулаки. Его лицо краснеет, глаза сверкают гневом.

– Да какое оно твоё? – резко отвечает крепко сбитый юноша, вскакивая на ноги. – Ты его себе присвоил, что ли?

– Я всегда тут сижу! С первого дня! – жилистый толкает стол, посуда жалобно звенит.

К нарушителям уже спешит Ираида. Вон как всевидящее «око Саурона» перекосило, сейчас всем навтыкает по первое число.

– Что здесь происходит? – зычно кричит старшая вожатая, упирая руки в объёмные бока.

За столом замирают. Девочки переглядываются, кто-то нервно сглатывает. Атмосфера накаляется, как перед штормом.

Я вклиниваюсь между двумя подростками и широко расставляю руки, оттесняя их друг от друга.

– Стоп! – мой голос звучит твёрже стали. – Остановились оба. Сейчас же.

Они замирают, тяжело дыша. Жилистый сжимает челюсти, крепыш поигрывает желваками.

– Артём, – я смотрю ему прямо в глаза. Имя вспоминается на ходу. – Ты капитан баскетбольной команды, верно? А капитан – это не тот, кто громче всех кричит и место отбирает. Капитан – тот, кто умеет договариваться.

Артём хмурится, но взгляд не отводит.

– Денис, – поворачиваюсь ко второму, имя брякаю наугад, – а ты хочешь доказать, что ты не хуже? Так докажи делом. Уступи сейчас и покажи, что ты взрослее.

Оба молчат. Вижу, как внутри у них идёт борьба: гордость соперничает со здравым смыслом.

– Ладно, – хрипло произносит капитан, отводя взгляд. – Пусть сидит. Но только сегодня.

– Спасибо, – киваю я. – И запомните: место у окна не делает вас лучше или хуже. А вот умение слушать друг друга – делает.

Денис медленно садится, опускает глаза:

– Извини, что сорвался.

– И ты… извини, – бурчит Артём.

Вздыхаю с облегчением. Уф, удалось погасить.

Возвращаюсь к своему отряду. Мои девчонки незаметно показывают мне оттопыренные большие пальцы. Соня, щупленькая рыжеволосая девчушка, робко поднимает руку, привлекая моё внимание.

– Что такое?

– У меня... – она густо краснеет и признаётся через силу. – Аллергия на лактозу.

Пару мгновений я соображаю, в чём же загвоздка, потом смекаю. На столе двадцать абсолютно одинаковых тарелок с манной кашей. А должно быть на одну меньше. Соня питается по индивидуальному меню.

Бегу к окну раздатки, чтобы урегулировать вопрос. И резко торможу на подступах, потому что за прилавком орудует не мой сокурсник Пашка, а совсем другой тип.

Весь в белом, с повязанным поверх джинсовых шорт передником и в поварском колпаке, Рома смотрится весьма комично.

– О, братуха, рад тебя видеть! – расплывается он в голливудской улыбке и тянет ко мне лапищи через окошко.

Ну и зачем, спрашивается, горланить как на стадионе?

– Э-э, привет! – осторожно вкладываю свою ладонь в его. – Второму отряду нужна порция из диетического меню.

– Точняк! Палыч что-то говорил насчёт этого, – хлопает себя по лбу мой друган. Бррр. – Только у меня из башки вылетело.

Он достаёт из-под прилавка красную папку и шелестит страницами. Находит искомое и сияет всеми искрами радуги.

– Второй отряд, вожатая Вяткина Эмма Эдуардовна. Воспитанница Куимова София, меню для аллергиков, – зачитывает он вслух и поднимает на меня ликующий взгляд. – Уан момент, братиш.

После чего хватает поднос, ставит тарелку, блюдце и кружку и бодро сервирует завтрак.

Когда возвращаюсь обратно к своему столу, девчонки уже почти доели: каша и бутерброды с сыром исчезли, какао выпито до последней капли.

– Ну что, отряд, молодцы! – улыбаюсь я, чувствуя, как постепенно уходит напряжение, вызванное внезапной встречей. – Кто доел – складываем посуду в тележку. После завтрака идём на зарядку, а потом в бассейн!

Девчонки радостно переглядываются, начинают шушукаться и хихикать. День обещает быть отличным. А у меня есть пара мыслей насчёт того, как на нашей кухне оказался этот баловень судьбы.

Решил стребовать с меня должок по полной программе, не иначе.

Страшный он тип, однако. С явными ассоциальными отклонениями. Хотя первое впечатление производит вполне себе успешного парня.

К полудню солнце расходится на полную катушку, так что к бассейну мы несёмся, как звери на водопой в период засухи.

Я окунаюсь вместе с девчонками, и бодрость взрывается в теле фейерверками.

Мы разбиваемся на две команды для игры в водное поло, но в самый решающий момент я пропускаю мяч, потому что...

Ну да, к бассейну подваливает мужское трио. Игорь, Костян и *мой дружище Рома*.

Предводительствует в этой компанией поварят, конечно же, новичок. Он первым сдирает со своего торса белоснежную майку, скидывает бейсболку и солнцезащитные очки и бомбочкой уходит под воду.

Вроде бы даже не красуется. Да и ныряет в наиболее глубокую часть, отделённую красными буйками – моему отряду строжайше запрещено заплывать в эту секцию.

Только я всё равно успеваю заметить, какой у Ромы торс. Проработанный до последнего кубика. Подтянутый, пластичный и...

– Эмма, ну вы чего? – канючит Дашка. – До обеда совсем немного осталось. Давайте отыграемся?

Я встряхиваюсь и резко поворачиваюсь к кухарям спиной. Злит, что приходится напоминать себе, что я вообще-то на работе и обязана присматривать за детьми, а не пускать слюни по всяким маститым кобелям.

– Не хочешь ещё один реванш? Вечером можем устроить заплыв.

Ничуть меня не отвлекает этот искусительный голос. Вот ни грамма.

Замахиваюсь и всю негативную энергию вкладываю в удар по мячу. Получается чересчур. Надувной прыгун пролетает над головами соперников и падает в траву.

– Дай угадаю: у тебя разряд по плаванию? – иронично отвечаю, не оборачиваясь.

Рома бултыхается спиной ко мне. Ненавязчиво. И всё же раз или два задевает моё плечо своим. А меня в краску бросает от этих случайных касаний.

– Ты наводила обо мне справки, братка? – явно издевательски выдаёт Рома.

– Больно надо.

– Ну тогда знай на всякий, что у меня второй разряд кролем. Осенью планирую сдать на первый.

На моё везение к бассейну прёт гружёный динамитом товарняк по имени Ираида. Ярой блюстительнице порядка довольно одного взгляда, чтобы выявить злостное нарушение правил.

– Позвольте узнать, молодые люди, где ваши шапочки! И почему вы не на рабочем месте? Младшие отряды уже направляются в столовую! Я буду серьёзно разговаривать с вашим начальством...

И понеслась кака по трубам. Я только успеваю блаженно щуриться и благодарить провидение за столь въедливую министершу.

Глава 6

Илья: Какие планы после окончания учёбы?

Эмма: В школу пойти работать я вряд ли осмелюсь – не мой уровень просветления. Подростки те ещё отморози, а вот с малышнёй возиться...

Илья: Не слишком у тебя много конкретики (подмигивающий смайлик)

Эмма: Так у меня ещё целый год впереди, будет время всё обдумать более детально. А что у тебя?

Илья: Поступлю в фазанку, как и планировал. Потом сразу на железку [имеется в виду железная дорога]. Это единственное место в городе, где нехило платят

Эмма: А как же занятие по душе? Разве твоя душа требует материальных благ?

Илья: Мужику не полагается иметь работу по душе, маленькая моя. Лишь ту, которая обеспечит безбедную жизнь его семье (рука, указывающая вверх)

Эмма: Не обязательно так уж сразу думать о семье. Можно ведь и для себя пожить

Илья: Ты бы хотела для себя?

Эмма: Лет до 30 точно. Не поверишь, я дальше Сибири никуда не выезжала (смущённая рожица)

Илья: Я из Ирка вообще впервые уехал. И как-то не ощущаю себя неполноценным

Эмма: Но ведь это так захватывающе: дальние страны, долгие перелёты, знакомства с другими культурами

Илья: Нас и здесь неплохо кормят. Хотя о чём это я? В армии жрачка так себе

Эмма: Кто о чём, а грязный о бане (смеющийся колобок)

Илья: Я бы сводил тебя в настоящую баньку

Эмма: Договорились, насушу берёзовых веничков к твоему приезду

Илья: Я тебя без веников пропарю. Руками

Эмма: На первом же свидании? (Огромные выпученные глаза)

Илья: *Вместо*первого свидания

Эмма: Пещерный ты человек, Илюша

Илья: А нефига было дразниться фотками в купальнике

Эмма: Я не дразнилась. И вообще, там всё очень цивильно

Илья: Моё воображение так не считает. Будь моя воля, заставил бы тебя ходить в паранджe

Эмма: Эмир Бухарский!

Илья: Я без понятия, кто это. Если один из твоих бывших, пускай к осени схоронится у родственников в Туркменистане. Насовсем

Эмма: Ещё и ревнивец. Нет у меня никаких бывших

Илья: Ой, заливаешь

Эмма: Тебе справку от гинеколога прислать? (Злобный помидор)

Илья: Серьёзно что ли? (Смайлик с перекошенным ртом)

Эмма: Ну-у-у... Да. В школе как-то времени не было на мальчиков, а потом включилась разборчивость. Я пробовала встречаться с парнями, но каждый чем-то раздражал. То запах изо рта неприятный, то чавкает громко, то нацелен слишком агрессивно

Илья: Ты сейчас убила мой сон на неделю вперёд

Эмма: Кошмарами будешь мучиться?

Илья: Фантазиями. Бурными. Можно отвратно нескромный вопрос?

Эмма: Я на работе, если что. Бдю за подрастающим поколением

Илья: Тогда ответишь, когда будет комфортно. Об удовольствии ты тоже ничего не знаешь?

Эмма: Я начинаю тебя опасаться, солдатик

Эмма: Знаю

Илья: Бл... Две недели бессонницы мне обеспечены

Эмма: Какой ты восприимчивый

Илья: Только если дело касается тебя, Никит*А*. Будь мы ближе, я бы сейчас свалил в самоволку

Эмма: С целью заклеймить меня своей?

Илья: За кого ты меня принимаешь? Но вот от поцелуя не отказался бы

На последнем сообщении мои щёки вспыхивают двумя бордовыми маками. Прижимаю экран к груди и силюсь усмирить шальной пульс.

Мои подопечные скачут горными козочками посреди танцпола под зажигательный хит «I Love It» Icona Pop feat. Charli XCX.

Мелодия взрывается во мне ураганом страсти. Хочется тоже пуститься в пляс и поучить несмышлёнышей...

Идея настигает внезапно и тянущим предвкушением оседает в животе.

Я прячусь за стойку с колонкой, включаю фронтальную камеру и перевожу на запись видео. Не раздумывая, снимаю своё лицо, потом беру крупным планом губы, обвожу их самым кончиком языка и, пока не передумала, отправляю ролик Илье.

Сердце отстукивает гулкие удары, словно метроном в огромном пустом зале.

Я закрываю глаза, отсчитываю ровно три удара и хочу вернуться к своим обязанностям, когда нос к носу сталкиваюсь с Ромкой.

Он так близко и смотрит на меня с такой дикой угрозой, что кровь разгоняется многократно.

Чтобы отрезвить, пихаю его ладонью в грудь.

– Ничего не попутал, дружище?

– Вряд ли. Кому ты записывала это видео?

Уверена, стальные нотки ревности в его голосе мне почудились.

– Маме. Она каждый вечер проверяет, почистила ли я зубы.

– Какая строгая у меня будущая тёща.

– Хей, приятель, не борзей. Неужели ты намерен жениться на своём братане?

Мы возвращаемся на край танцевальной площадки. Я бегло пересчитываю своих свиристелок и расслабленно выдыхаю.

– Так братаном ты будешь не всегда. Вполне можем узаконить нашу дружбу постелью.

Ой, обормот. Ему бы в дворники с таким помелом.

– Мечтать не вредно, амиго.

Телефон вибрирует, оповещая об ответе от Ильи. Но в такой глумливой компании мне его открывать не хочется.

– Не планируй ничего на после отбоя. У нас с тобой совместный дружеский досуг.

Возразить он не даёт. Бодро насвистывая, смешивается с толпой и оставляет после себя конкретное такое желание поскрипеть зубами.

Ради этой сходки братанов вновь приходится прибегнуть к хитрости. Из комнаты сваливаю под предлогом телефонного разговора, хотя на самом деле набираю оператора и прослушиваю баланс.

Рома ждёт на нашем месте. Уже привычно подхватывает меня у самого забора и провожает до машины.

Внутри мне тут же становится не по себе. Это точно салон авто? Больше похоже на кабину истребителя из фильма про будущее.

Первое, что бросается в глаза, – огромная металлическая конструкция прямо за передними сиденьями. Она оплетает салон, как паутина, соединяя крышу с полом и боковыми панелями. Вроде металлического каркаса, какой бывает у гоночных машин.

Вместо обычных сидений какие-то странные, очень жёсткие кресла с глубокими бортами. Они будто обнимают тебя со всех сторон. Я почти утопаю в этой скорлупе. Думается, выбраться из них самостоятельно не так-то просто: меня словно держат невидимые руки.

Ремни безопасности выглядят совсем непривычно. Вместо одного хлястика целых пять широких лент, которые перекрещиваются на груди и животе. Я трогаю их – плотные, прочные, с какими-то хитрыми замками.

Приборная панель поражает ещё больше. Никаких экранов, кнопок мультимедиа или климат-контроля. Только куча круглых датчиков с красными стрелками – как в старых часах, только их тут штук десять. Цифры какие-то непонятные: давление масла, температура чего-то, обороты… Будто я попала в лабораторию.

Руль крошечный, почти миниатюрный, и расположен очень близко к сиденью. На нём россыпь тумблеров и кнопок.

Салон почти пустой. Ни подстаканников, ни карманов на дверях, ни бардачка. Пластик какой-то шершавый, лёгкий, словно игрушечный. И пахнет здесь странно – металлом, резиной и чем-то ещё, что я не могу определить.

Я оглядываюсь ещё раз и вздыхаю, когда Рома занимает своё место и пристёгивает вначале меня, а потом себя.

Выглядит всё это впечатляюще, даже немного пугающе. Как будто эта машина создана не для поездок по городу, а для какого-то серьёзного испытания. И кажется, чтобы просто завести её и тронуться с места, нужно сначала прочитать толстенную инструкцию на сто страниц.

– Не говори мне, пожалуйста, что собираешься участвовать вместе со мной в гонках, – прошу слегка дрожащим голосом и взвизгиваю, когда махина стартует с места с рёвом, от которого все волоски на моём теле встают дыбом.

– Окей, не буду. Погоняем в тишине, – сверкает улыбкой этот парень скрытых талантов (*пускай бы и дальше увлекался своими покатушками втихомолку*) и прибавляет газу.

Вибрации, идущие от мощного мотора, волнами прокатываются по моему позвоночнику. Ощущение странное. Оно вроде бередит кровь, учащает дыхание и вместе с тем воплем ударяет в мозг. Уверена, что это так горланит мой инстинкт самосохранения.

Вот только следом накрывает эйфорией, и я решаю: ай, была не была! Когда я ещё словлю такую дозу адреналина?!

Глава 7

Ночь. Лето. Воздух густой и тёплый, пахнет разогретой резиной и бензином. Я сижу в этой странной машине – тесной, жёсткой, будто собранной из деталей конструктора для взрослых. Рома подмигивает мне и протягивает навигатор:

– Держи, штурман! Маршрут проложен, следи внимательно за вот этой красной стрелочкой – это мы!

Я растерянно беру устройство. Экран светится в темноте, на нём выделена синим цветом какая-то петля с отметками.

– То есть как это следи? Какой ещё штурман? – потихоньку закипаю я. – Эй, ты чего удумал?

Рома смеётся, голубые глаза разгораются нешуточным азартом:

– Всё по правилам, дружище! Ты – мой штурман, значит, будешь вести меня к победе. Смотри на экран, говори, куда поворачивать!

Он подмигивает ещё раз, и я невольно улыбаюсь. Хотя внутри всё дрожит.

Чуяло моё сердце, что живой мне из этого спора не выбраться. Как в воду глядела. Похоронят нас в этом тюнингованном монстре...

Рядом, у линии старта, стоит соперник – огромный тип с бритыми висками за рулём нашпигованного неоновой подсветкой «Скайлайна». Блестящий, мощный «Ниссан» рычит аки оголодавший лев.

Рома кивает водителю, тот хмуро отвечает тем же. Оба вручают мне по пачке наличных – будто я судья этих дурацких соревнований или талисман удачи.

– Готовься, – шепчет Рома. – Сейчас будет жарко.

Да мне уже. И кислорода катастрофически не хватает. А ещё ладони взмокли от пота так, что навигатор норовит вывалиться из рук.

Я сжимаю его столь крепко, что пальцы белеют.

– Я… я не знаю, что делать!

– Просто говори, куда ехать, – он хлопает меня по плечу. – Я послушаю, братух. Обещаю.

Вдалеке раздаётся выстрел из ракетницы, резкий, оглушительный в ночной тишине.

– ПОГНАЛИ! – кричит Рома, и машина срывается с места.

Меня вдавливает в жёсткое сиденье-ковш. Ремень безопасности врезается в плечо и передавливает живот, но я всё равно держусь за навигатор, как за спасательный круг.

– Направо! – верещу, глядя на экран. – Потом налево, потом опять направо!

Рома хохочет:

– Так и едем, штурман!

Весело ему? А вот мне не очень.

Машина рычит, колёса визжат на повороте. В окне мелькают тёмные очертания заброшенных зданий, фонари на столбах размываются в полосы света. Я чувствую, как нас бросает из стороны в сторону, но Рома держит руль уверенно, будто повторял это действо сотни раз.

«Скайлик» прижимается к нам вплотную, фары бьют в салон и отражаются в зеркалах, как два злобных глаза.

– Он догоняет! – испуганно воплю я.

– Вижу, – спокойно отвечает Рома. – Не волнуйся, сейчас мы его удивим.

Он резко бросает машину в поворот, я вскрикиваю, хватаюсь за ручку. Знала бы хоть одну молитву наизусть – непременно прочла бы.

– Прямо! – ору я, глядя в навигатор и запоздало вспоминая об обязанностях штурмана. – Потом крутой поворот налево!

– Есть прямой курс! – смеётся Рома и крутит руль.

Мы ныряем в узкий проезд между бетонными блоками, «Скайлайн» чуть не врезается в стену, но успевает вырулить.

– Осторожнее! – я почти визжу. – Там же стена!

– Знаю, знаю, – Рома улыбается, глаза у него блестят в темноте. Радостный гад успевает следить и за мной, и за дорогой, и соперника из виду тоже не выпускает. Чёртов Цезарь с его хвалёной многозадачностью. – Но мы проскочим.

Машина выныривает на прямую, и тут тюнингованный «Ниссан» снова падает нам на хвост.

– Он рядом! – визжу и едва не вскакиваю с места, благо ремни удерживают в сидячем положении. – Он нас обгоняет!

– Пусть попробует, – сосредоточенно бубнит Рома себе под нос. – Штурман, что дальше?

Я смотрю на экран, голос начинает дрожать от нервозности:

– Ещё один поворот… налево, потом прямо и... финиш!

– Отлично. Держись крепче.

Он жмёт на газ. Машина рвётся вперёд, я чувствую, как сердце бьётся где-то в горле. «Скайлайн» пытается обойти нас справа, но Рома резко бросает машину в сторону, блокируя путь.

– Рома! – я кричу, закрываю глаза, но тут же открываю их снова. Неизвестность меня убивает. – Поворот! Сейчас поворот!

– Вижу!

Мы входим в вираж почти на двух колёсах, машина опасно накреняется на один бок. Я слышу визг резины, чувствую, как нас тянет в сторону, но дружище, которому в самом скором времени предстоит стать покойником, держит автомобиль, словно он – часть его самого. Продолжение руки, ноги или пустой блондинистой башки – уж не знаю, чем он управляет лучше.

«Скайлик» отстаёт на долю секунды, и этой заминки хватает с лихвой. Мы выскакиваем на финишную прямую.

– Финиш! – ору я, хотя это и так очевидно.

Рома смеётся, жмёт на газ в последний раз. Мы пересекаем черту первыми.

Машина замедляется, останавливается. Я дышу тяжело, руки дрожат, навигатор чуть не падает на пол.

В голове полный сумбур. Эмоции зашкаливают. Мне хочется плакать и хохотать одновременно.

– Мы… мы победили? – шепчу я.

Голос внезапно предаёт.

Краем глаза замечаю толпу болельщиков, которая стекается к нашей машине, а потом обзор затмевает он.

Рома поворачивается ко мне, глаза сияют:

– Конечно, победили! И всё благодаря тебе, штурман. Ты вела меня самым оптимальным маршрутом!

Я краснею, как чертова школьница перед объектом воздыхания:

– Но я же просто читала с экрана…

– А я слушал, – он подмигивает. – И это сработало.

Впервые я замечаю, какая живая у него мимика. От улыбки щёки собираются в гармошку, кончик носа чуть задирается, и на нём проступает милейшая ямочка, а губы...

Чувствую, как пересыхают мои собственные, и веду по ним языком. Только кожа от этого разгорается во сто крат сильнее.

Сбоку со свистом тормозит противник, хмуро смотрит на нас. Рома отцепляет наши ремни и торопливо выходит из машины, подходит к мордовороту, что-то говорит. Тот кивает, протягивает руку. Рома на правах победителя жмёт её.

Я выбираюсь из машины, ноги подкашиваются. В животе булькает от всего пережитого и кажется, будто чего-то не хватает.

Толпа чествует героя асфальта. Пару раз хлопки по спине и плечам прилетают мне.

Из людского сгустка вырывается фотограф и нацеливает на нас свой полуметровый объектив. Рома привычно улыбается, небрежным жестом смахивает со лба светлую прядь и обнимает меня за плечи.

– Улыбаемся и машем, Эм, – журчит мне на ухо, и тянущее предвкушение в животе выходит на новый виток интенсивности.

Начинает сосать где-то под ложечкой, словно я встала на краю обрыва и намереваюсь шагнуть в бездну.

Я смотрю на него, потом на пустую трассу, на звёзды над головой. Сердце всё ещё колотится, но внутри разливается странное, пьянящее чувство – будто я только что научилась летать. А потому мне и пропасти совсем не страшны.

Обвиваюсь обеими руками вокруг его талии и позирую.

Обратный путь до лагеря проделываем в тишине. Я всё ещё где-то там, застряла в промежутке между лихим виражом и обманным манёвром. Прокручиваю всё это динамичное варево в мозгу и совсем не смотрю на водителя, потому что...

Да, это будет огромной ошибкой. Умом я столь простую истину понимаю. Остаётся только договориться с прочими частями прибалдевшего девичьего организма.

И я вроде мастер дипломатии в этом вопросе. Привожу все нужные аргументы: у меня есть парень, с бабниками я дружбы не вожу и вообще до осени не планировала никаких отношений.

Только всё вышеперечисленное – пустая трата слов. Стоит Роме заглушить двигатель, как уровень юношеских гормонов в моей крови достигает максимума.

Я трусливо хочу сбежать, но дурацкое сиденье так просто не отпускает. Отталкиваюсь руками, слепо шарю ручку на дверце и целиком попадаюсь под действие бесовского обаяния.

– Кстати, вот, – Рома протягивает мне пачку купюр, перехваченную резинкой. – Твоя половина выигрыша. Всё по-честному.

– А? Зачем? Не надо. Любой дурак мог озвучивать эти «налево и направо», победил ты благодаря своему мастерству.

– И капельке везения, которое подарила мне ты.

Я натянуто улыбаюсь и с вожделением поглядываю на забор.

Если бы кто знал, как мне сейчас хочется оказаться по ту сторону, чтобы разом избавиться от всех соблазнов.

Рома лишает меня этой иллюзии. Теснит собой к кузову, вынуждая прижаться бёдрами к холодному металлу. Медленно кладёт руки на крышу. И я дёргано ударяюсь головой о её основание, когда отвожу голову назад.

– Не надо, – пищу комариком, а сама дрожу в изнеможении.

Губы горят так, словно их крапивой ошпарило.

– Почему?

Дыхание с привкусом ментола опаляет ноздри. В нём ещё нотка бальзама после бритья ощущается и что-то очень мужское, влекущее, вкусное...

– Потому что никто не целуется с братанами, – выпаливаю первое, что приходит на ум.

– А мы никому не расскажем.

Он склоняется ещё ниже. Ведёт своим носом по моей щеке и аккуратно чмокает в уголок рта.

И всё. Меня лихорадит.

Плюю на все последствия и привстаю на цыпочки, чтобы дотянуться до его шеи. А там уже дурею окончательно.

Обхватываю колючий затылок обеими руками и позволяю этим гладким губам вольничать.

Глава 8

А пользоваться моей податливостью Рома не спешит. Пристально вглядывается, поправляет чёлку, самыми кончиками пальцев порхает по щеке, чтобы после обвести ими губы.

– Не-е-е, я чёт передумал, – вдруг огорошивает он и отступает на шаг. – Целовать братана как-то не по-пацански.

Я в неверии хлопаю ресницами. *Чего он сейчас брякнул?*

Рома выпутывается из моих рук, галантно предлагает ухватиться за свой локоть и шлёпает к забору.

Я прихожу в себя только в спальне. Прячу телефон и пачку наличности (*и когда только успел всучить?*) под подушку и пытаюсь заснуть. Тщетно.

Перед глазами на репите стоит кадр с обворожительной улыбкой. Блин, понятно теперь, откуда произрастают ноги у его успеха у девушек – такая симпатичная мордашка никого не оставит равнодушным. Да и по характеру он лёгкий. Вон с каким нерушимым спокойствием мчал по пустынным ночным дорогам.

Признаться мне сложно, однако наедине с собой можно отбросить маски. Я хотела его поцеловать. В благодарность за щедрую порцию адреналина.

Следующим вечером мы сталкиваемся за поздним ужином на кухне. Парни нажарили огромную сковороду картошки и позвали почти весь корпус «покишкоблудить», как выразился Лёха.

За столом яблоку негде упасть. Никто из девчонок не посмел отказаться от столь заманчивого предложения. Нас, то есть особей женского пола, втрое меньшее, поэтому каждая капелюха мужского внимания не пропадает даром.

Лизка втискивается между погодками Аней и Женей. Нелька плюхается рядом с поварёнком Егором, ну а мне выпадает честь примоститься рядом с Ромой. Он нарочно отсаживается на самый край скамьи и машет мне рукой, сюда, мол, приземляйся.

Кухня после отбоя – это отдельный мир: тёплый свет лампы, аромат жареной картошки с луком, звон тарелок и неумолчный смех. Картошки нажарили столько, что тарелки приходится передавать по кругу, а порции накладывают «с горкой».

– О, наконец-то нормальная еда, а не эта диетическая каша для малышей! – восклицает Макс, вожатый третьего отряда, хватая кусок хлеба. – Я сегодня три раза бегал мимо кухни и нюхал, знал, что вы что-то эпическое готовите!

– Ну, мы старались, – подмигивает Лёня, один из поваров. – Специально для вас, герои-вожатые, которые целый день держат в узде орду маленьких разбойников.

– В узде – это громко сказано, – хохочет Аня. – Сегодня мои решили, что они – пираты. Перевернули две кровати, сделали из простыней паруса и пытались «захватить» соседний корпус.

– А мои сегодня играли в детективов, – подхватывает долговязый и нескладный Дима, вожатый старшего отряда. – Расследовали, кто съел последний йогурт. Подозревали всех, включая меня. Я уже готовился к допросу с пристрастием!

Повар Саша, растрёпанный парень с весёлыми глазами, протягивает ему тарелку:

– Держи, Коломбо. Картошка – лучшее средство от стресса и ложных обвинений.

Тут в разговор вступают вожатые старших отрядов – их подопечные не проказничают, как малыши, но хлопот доставляют не меньше.

– Мои-то не бегают и не переворачивают мебель, – вздыхает Катя, надсмотрщик за восьмиклассниками. – Зато вчера устроили философский диспут на тему «Есть ли смысл в жизни после тридцати». И знаете что? Я проиграла спор! Они меня почти убедили, что после тридцатки – аут, конец света…

– Ха! – хохочет Игорёк. – А мои вчера устроили дебаты «Почему школьная программа устарела». Выложили мне такой список аргументов, что я чуть не подписал петицию в Минобрнауки! Один парень даже подготовил слайд-шоу.

– Да они у вас там революцию готовят, – смеётся Макс.

– Не дай бог, – качает головой Игорь. – С их энергией здесь случится переворот, ещё покусятся на жизнь Ираидки – вот тогда мы с вами по полной какахи хлебнём.

Постепенно разговор плавно съезжает на личные темы.

– Кстати, Игорян, – поворачивается к нему Марина, вожатая старших. – Ты же в прошлом году в этом лагере работал? Расскажи, как ты вообще в вожатые попал? Случайно или осознанно?

– Да чисто случайно, – Игорь упирается локтями в стол и по всем девчонкам проходится маслянистыми глазками. *Дон Жуан чёртов*. – Друг мне пишет: «Погнали в лагерь, там тусовки, басик, девчонки, да и бабки платят». Я такой: «А чё нет?» Прикинул: месяц на расслабоне с молодёжью, без родителей, без учёбы… Идеальный летний план!

– О, я тоже так попала, – кивает Марта. – Подруга сказала: «Там реально кайф: дискотеки каждый вечер, все свои, можно отрываться». Ну я и подумала, почему бы не провести лето не в душном городе, а почти в лесу, да ещё и с деньгами на кармане?

– А я сюда попал, потому что надо было как-то лето убить, – вдруг говорит Дима. – Учёба закончилась, работы нормальной нет, а тут тётка подсказала, мол, в лагерь вожатым берут, платят норм, кормят, селят – в общем, халява полная. Ну я и согласился. Оказалось, реально круто: и движ есть, и деньги капают.

– Вот это я понимаю – логика, – хохочет Макс. – Я вообще думал, что буду весь день на пляже валяться, а оказалось, надо с детьми тусить. Но потом прикинул: с ними даже веселее, они такие забавные, вечно что-то вытворяют. В городе так не повеселишься!

– А у меня тут первая любовь случилась, – смеётся повариха Лена. – В шестнадцать лет, когда сама отдыхала. С вожатым из другого отряда. Мы потом ещё год переписывались. До сих пор иногда созваниваемся, он теперь учитель физики в Красноярске. Но я тогда просто кайфовала: лето, солнце, свобода…

– Так, стоп, – перебивает Аня. – Получается, у нас тут половина людей нашла что-то важное в лагере? Любовь, приключения, классные воспоминания…

– Не скажи, – вдруг включается в общий хор голосов Рома. – Лично я здесь впервые и пока только присматриваюсь.

– Да не, – машет рукой Игорь. – Просто это идеальный способ провести лето. Ни тебе учёбы, ни работы с 9 до 18, ни родительских нравоучений. Тусовки, природа, движ – что ещё надо?

– Точно! – подхватывает Марина. – Я сюда приехала, чтобы отдохнуть от всего. Думала, месяц потусуюсь с детьми, получу деньги, загорю, наберусь впечатлений – и само то. А оказалось, что это реально самый крутой месяц в году. Дети забавные, коллеги прикольные, вечерами – дискотеки, костры…

– Знаете что? – поднимает кружку Лёня. — Давайте выпьем за лагерь. За то, что он даёт нам возможность классно провести лето. За то, что тут можно быть собой, тусоваться с крутыми людьми и не париться ни о чём! И за картошку, которая делает этот кайф ещё вкуснее!

Все дружно поднимают кружки, смеются и пьют за лагерь, за дружбу и за тёплые летние ночи, когда можно просто сидеть за столом, есть картошку и трепаться обо всём на свете.

Я так и не решаюсь влезть в разговор. Отделываюсь шуточками, улыбками и общими фразами.

Разговоры идут уже не о детях и смене, а о планах на будущее, о тусовках, о том, куда поедут после лагеря.

Рома пихает меня плечом.

– Пойдём покурим, – предлагает как-то двусмысленно и, не дожидаясь ответа, тащит меня за собой.

– Ой, да неужто у нас парочка образовалась? – с ехидцей подмечает Лизок.

– Не писяй, Ерыкалова, меня на всех хватит, – без тени злобы парирует Рома и совсем уже нагло обнимает меня за талию.

– Да больно надо такое счастье, – не остаётся в долгу брюзга, только мы уже выходим из столовой.

– Какая-то ты неестественно молчаливая, – подмечает мой дружбан. – Случилось чего?

– Да нет. Настроение такое: уйти в себя безвозвратно.

– А первопричина?

Я и сама не знаю, как ответить на этот вопрос. Зато понимаю, что мы держим путь в сторону бассейна, и кусочек льда на сердце оттаивает. Кажется, это то, что доктор прописал.

Глава 9

С ночной подсветкой бассейн выглядит лазурно-голубым. Лёгкую рябь на поверхности вызывает ветерок, и я невольно сравниваю себя с этой водой.

Внешне вроде спокойная, апатичная даже, а внутри ураган намечается. И назойливо тянет выговориться.

Обидно, что в качестве собеседника мне достаётся крайне несерьёзный Рома.

– Так что тебя грузит?

– Зачем ты сюда устроился?

Мы спрашиваем почти одновременно, переглядываемся и по-турецки устраиваемся на бортике.

Мажорик разувается первым. Стягивает с лапищ белые носки, скатывает их в комок и с блаженной мордой окунает ступни в подогретую воду.

– Давай начнём с тебя, – предлагает он миролюбиво.

– Не, колись. Неужели мама с папой лишили дотации, и тебе срочно понадобилась наличность?

Ни в жизнь не поверю. За вчерашнюю ночь он поднял сумму вдвое больше месячного оклада простого вожатого. Ещё пара таких заездов, и вопрос с финансами будет решён.

Я тоже окунаю пятки в бассейн, и напряжение разом отпускает. Всё-таки человек – существо водное.

– С родаками у меня никаких тёрок, а сюда подался... – Он вдруг подсаживается ближе и снижает голос до доверительного шёпота. – Мы ведь должны быть предельно откровенными друг с другом, чтобы не нарушить кодекс братанов.

Клоун.

– Ага, – улыбаюсь его наигранности.

– Тогда слушай. Есть у меня один приятель. Ну такой себе нормальный чел. Без закидонов. Простой, как сибирский валенок. Что на сердце у него, то и на языке.

– Его, случаем, не Романом зовут?

– Щит, красотка, ты как догадалась? – балбесничает мой кореш.

– Женская интуиция.

Я закатываю брючины до колен и болтыхаю ногами.

– Это ж гениально, – нарочито восторгается блондин и тоже придвигается к краю, чтобы искупать свои волосатые конечности. – В общем, попал мой приятель под чары одной небезызвестной тебе крали. И всё, сгинул бесследно. Втрескался как зяблик желторотый. Час её не видит – печёт в груди.

– Ага, а после недельной разлуки под рёбрами у него паяльная лампа загорается – плавали, знаем.

– Слушай, да у тебя дар всамделишный. На лету ловишь.

– Я, знаешь ли, всерьёз обдумываю идею податься на «Битву экстрасенсов».

– Хрустальный шар тебе в помощь.

– И амулет из кишок дохлого козла на шею, – поддерживаю я эти пустопорожние кривляния. – Так ты охмурить меня хочешь?

– А шансы есть? – Рома с надеждой поглядывает на меня.

– Не, я же замужем.

– Разведёшься.

– Тогда имущество делить придётся.

– Я возьму тебя нищей.

– Вот это уровень самоотдачи. Бесприданницей меня сделать хочешь?

– Ну это всяко лучше, чем вдовой.

– Ты и на убийство ради меня готов?

– Угу. Ещё всерьёз обдумываю идею кражи невесты. Ну, знаешь, как у горцев принято. Заверну тебя в палас и запру на вершине какой-нибудь высокой-высокой башни.

– Ты эти навязчивые идеи с психиатром не обсуждал?

– А то! Он палас обещал организовать.

– Да у вас целая ОПГ намечается.

Мы переглядываемся и покатываемся со смеху. Меня глушит такое веселье, что даже слёзы наворачиваются на глаза.

– Заметила? – Рома толкает меня плечом. – Хохмить нам ничто не мешает. А вот посерьёзке разговор не клеится.

– Потому что ты несерьёзный.

– Я бы сказал: незамороченный.

– Оболтус в общем.

– Ты ранишь мои чувства, татарочка. Кстати, насчёт национальности не соврала?

– Прадед у меня из села Красновидово – это в Татарстане, следовательно, бабка чистокровная татарка. Их раскулачили в тридцатые годы и сослали в Сибирь. А замуж она, бабуля моя, что по-татарски звучит как «абика», вышла за бурята. Вот и считай, сколько во мне этой татарской крови.

– То-то я смотрю, глаза у тебя чуть раскосые.

Вопреки словам Рома берётся за кончик моего хвоста и растирает между пальцами крашенные красные пряди. Укладывает их на моё плечо и перебирается к шее. Едва ощутимо касается кожи за ухом, и вода в бассейне вдруг кажется ледяной.

Меня всю окатывает мурашками, потому что он не просто невесомо гладит. Он смотрит. Пристально. Так художник в мельчайших деталях изучает объект для своего будущего шедевра. Ищет точки экстремума, фокусирует в памяти наиболее важные части.

Я боюсь шелохнуться. До боли в запястьях упираюсь ладонями в бортик и не мигаю, чтобы не упустить момент, когда он начнёт сокращать расстояние между нашими лицами. И терплю фиаско.

Рома вроде не двигается, а дистанции между нами никакой. Я даже чувствую дуновение ветерка от взмахов темно-русых ресниц. И могу пересчитать блики от воды на его радужке.

– Сегодня тебя не смущает перспектива поцелуя с братаном? – храбрюсь из последних сил, хотя распухший от сухости язык ворочается с трудом.

– Я решил сделать исключение, раз уж у меня такой красивый карефан.

Смысл сказанного пропадает тут же, потому как Рома всё же прижимается ко мне губами. К щеке вместо рта, но так даже лучше. Я задыхаюсь от этого касания и с присвистом хапаю ртом воздух.

– Я жду, когда ты первая меня поцелуешь, Эм, – сипит он мне на ушко и пробует отстраниться.

Я цепляюсь за его футболку на груди чисто машинально. Смотрю в голубые глаза, расцвеченные лазурными бликами, и шлю всё к чертям.

Это всего лишь поцелуй. Короткий и ничего не требующий. Просто чтобы утолить любопытство. Так ли умело целуются ловеласы – практический опыт, можно сказать.

Первый блин, как известно, комом. Вот и я вместо полноценного поцелуя тычусь губами в его рот и тут же отстраняюсь.

– Если признаёшь, что опыт свой приобрела в детском саду и с той поры не развивала – обещаю, я не буду слишком уж громко смеяться.

– Может, я просто передумала. И ты мне совсем не интересен в качестве целователя, – бурчу я, с усердием взбалтывая воду в бассейне своими ступнями.

– Ещё скажи, что я не в твоём вкусе.

– Видишь, и у тебя есть зачатки интуиции.

– Брехня, – заключает Рома с такой уверенностью, что меня помимо воли пробивает на смех. – Хочешь, научу долбиться в дёсны по-братски?

– Ты всех таким макаром соблазняешь?

– Да, отработанная схема.

– Рабоче-крестьянская какая-то. Хотя я забыла, что ты простотой напоминаешь лапоть.

– Вообще-то валенок.

– О, да, это существенная разница.

– Так хочешь узнать, как целуются профи, или ещё о методиках поспорим?

– Уж и сомнения выразить нельзя...

Окончание фразы застревает в горле. Рома, ничуть не церемонясь, перехватывает моё лицо за подбородок, разворачивает к себе и без лишних предисловий размыкает мои губы своими.

Тут же втягивает их в себя, мнёт, посасывает и даже треплет, но с такой ненавязчивой силой, что меня всю обсыпает мурашками.

Чётким движением пальцев он слегка оттягивает вниз мою челюсть, вынуждая открыться шире, и подключает язык.

Вначале это очень мягкие мазки. Точечные касания, от которых меня знобит, а за закрытыми веками взрывается космос.

Но вот он сплетается с моим и пробует высекать из меня первые безумные искры.

Я настолько дезориентирована в пространстве и времени, что не замечаю, как мы оба ныряем в бассейн прямо в одежде. Разгорячённую кожу ничто не холодит, наоборот, кровь струится по венам в разы быстрее, и всю меня сотрясает крупной дрожью.

Рома притягивает меня к себе за талию, кружит на месте, а после с плеском воды впечатывает спиной в кафельную стенку и наваливается сверху.

Я инстинктивно обнимаю его торс ногами и цепляюсь руками за широкие плечи. Якобы держусь над водой, хотя мысленно давно ушла с головой на самое дно.

В сознании не то что сумятица, там ядерная зима со всеми вытекающими последствиями. Ни единого светлого проблеска. Марево безотчётной эйфории. И блаженство, нега, сладость – будто меня одарили самым вкусным десертом и никак не ограничили в порции.

Короткое замыкание случается, когда Рома ведёт под водой рукой по моему боку, а потом без всякого предупреждения сжимает ладонь на груди. Чувствовать его вот так, через мокрую ткань бюстика и майки – это как облиться крутым кипятком, а сверху накатить ведро колодезной водицы.

Я запрокидываю голову и закусываю губу, чтобы не застонать во весь голос.

– Так, молодёжь, вы чего здесь устроили?!

Гневный вопль Ираидки остужает лучше любых оплеух.

Глава 10

Дружно обтекаем под пронзительные визги старшей вожатой. Притом не метафорически.

С обоих набежало никак не меньше пяти литров воды. Лужица на полу неотвратимо перерастает в озерцо, а там и до всемирного потопа рукой подать.

Я нервно тереблю край футболки.

– Вам напомнить, где вы находитесь?! Это детское учреждение! У нас здесь несовершеннолетние! А вы! Вы! Что вы себе позволяете? Прилюдно обжимаетесь по углам! Да ещё в бассейн – детский бассейн – в одежде полезли! Это же уму непостижимо! От обоих жду объяснительные в течение получаса. И знайте, что о вашем неблаговидном поступке завтра же узнает директор! И я очень сильно удивлюсь, если хотя бы одному из вас удастся сохранить рабочее место.

Поразительно, но меня совсем не трогают её угрозы. Подумаешь, выставят за ворота. Что я себе, работы не найду?!

– Не дрейфь, татарочка, – подбадривает Рома, когда нам обоим указывают на дверь. – Я пошепчусь с директором, ты своё место точно не потеряешь.

– Да мне, в общем-то, всё равно. Не в «Газпроме» шпингалетов гоняем.

Мы спускаемся на первый этаж, хлюпаем до спальни, которую я делю ещё с тремя девчонками, и после стука заходим внутрь.

Я беру из тумбочки банное полотенце и тёплую пижаму. Первое протягиваю Ромке, во второе планирую переодеться сама, чтобы хоть немного согреться.

– Вы под дождь попали? – выпучивает коровьи глазищи Лизка.

– Под трезубец громовержца Зевса, – отвечаю я и выталкиваю гостя в коридор, покуда он не решил детально ознакомить моих соседей со всеми подробностями инкриминируемого нам преступления.

В ванной мы запираемся на задвижку. Я убегаю за душевую занавеску и, поёживаясь, стаскиваю намертво прилипшую одежду.

Рома остаётся по ту сторону. Снимает с себя футболку, отжимает над раковиной, потом проделывает то же с джинсовыми шортами и наспех вытирается полотенцем.

Я не то чтобы подглядываю, просто опасаюсь за свою девичью честь и потому держу его в поле зрения.

И увиденное горячей «ред хот чили пепперс» картинкой оседает в голове.

То, что братуха вкалывает на своё тело, было и раньше понятно. Я ведь уже видела его мельком у бассейна. Но когда он поворачивается ко мне полубоком, да ещё напрягает руки, скручивая мокрую ткань в тугой жгут, по спине и плечам прокатываются такие бугры, что у меня на губах повисают слюнки.

Нет, он не кажется перекачанным, как старина Арни или любой другой бодибилдер. Всё в нём развито гармонично, и мышечной массы ровно столько, что она вызывает восхищение, а не тревогу в духе: чувак, стероиды тебя прикончат.

– Уже придумала, что будем писать в объяснительной? – заводит он тихую болтовню, расправляет и встряхивает футболку.

– Да, скажем, что я тебя спасала. Ну ты типа тонул, а я такая – хобана – и всех спасла. Мне медаль, тебя под жопу.

– По-моему, со стороны больше походило на то, что это я тебя из воды вытаскивал и воскрешал искусственным дыханием. Особенно если вспомнить, как ты выгибалась в моих руках.

– Это от ужаса. С роду так не разочаровывалась.

– Намекаешь, будто я говённо целуюсь? – без всякой обиды уточняет этот полуголый сгусток соблазна.

Я вроде не пялюсь, но откуда-то знаю, что задница у него загляденье. Под стать остальному телу.

– Что ты! Братаны так друг о друге не отзываются.

Занавеска отлетает к стене. У меня дыхание перехватывает от вида улыбающейся во все тридцать два белоснежных зуба физиономии.

Выходит, он не шутил насчёт собственной незамороченности. Разгневать этого парня может разве что верблюжий плевок, да и то без гарантии. Ишь, как раздухарился.

На мое везение и к его вящему разочарованию я успеваю переодеться в пижаму, так что маленькое пип-шоу отменяется.

– По-моему, ты ни черта не распробовала, – с угрозой говорит Рома.

– По-моему, у тебя там рудиментарная третья нога, – брякаю я откровенную глупость, тычу пальцем в область пониже пупа и с трудом фокусирую взгляд на его лице.

Щёки у меня в этот момент ровняются по цвету с огнетушителем на стене. И в голове сразу столько непотребств. *Мамочки*.

– Ты об этом? – он склоняет голову вниз и рассматривает штуковину, которая делает его труселя довольно тесными.

О-о-о, почему я вообще думаю о таких вещах?! Валить нам надо. Мне и моей добродетели.

Так что отпрыгиваю в сторону и бочком протискиваюсь мимо озабоченного блондина.

– Эй, да ты чего испугалась-то?

На беду, маньячило бросается следом и ловит меня уже у двери. Упирается в неё ручищей и надавливает, чтобы я не смогла открыть.

– Эм? С тобой всё нормально?

– Да. Вдохновение посетило. Хочу поскорее объяснительную написать.

Разговариваю в основном с дверным косяком, потому как сил обернуться в себе не нахожу.

Рома делает малюсенький шажок вперёд, и я взвизгиваю. Вжимаюсь в стенку и готовлюсь дать отпор.

На тренировках нас всегда учили, что глупо идти на прямую конфронтацию. Побеждает лишь тот, кто досконально контролирует любые свои порывы. Никогда не нападай первым, даже если противник превосходит тебя числом или физической силой.

Только сейчас я готова забыть об этих ветхих заветах. Близость полуголого мужика с дурными намерениями пугает до истерики.

Зачем нам вообще понадобилось уединяться? Следовало всучить ему полотенце и отправить в мужское крыло.

– Эмма, посмотри на меня.

Трусливо кошусь одним глазом.

– Ты чего такая дёрганная?

– А чего ты меня здесь запер? Да ещё с этой... вот...

По правде говоря, я задыхаюсь. Паника происходит из ниоткуда и кислотно-щелочной смесью растекается по всему телу.

Рома смотрит на меня с недоумением. Шевелит губами, словно повторяя за мной:

– ... с этой... вот...

Затем складки на лбу разглаживаются, и его осеняет.

– Так ты ещё девочка что ли?

– Поздравляю, дотумкал! А раньше больше на мальчика походила? – меня начинает злить его поведение.

Зажал меня в углу, с расспросами пристаёт какими-то. Ударяю его кулаком по предплечью и требую выпустить меня немедля, иначе кто-то захаркает здесь весь пол кровью.

Видать, я умею быть убедительной, потому что Рома отлипает от двери и обматывает бёдра полотенцем.

В объяснительной так и пишу:

«Вечером 15 июня я шла к корпусу для вожатых с целью отдыха. Путь мой пролегал мимо бассейна. Я увидела, что работник пищеблока Гурьев Р. случайно оступился и упал в воду. Не зная точно, умеет ли он плавать, я приняла решение вытащить его из воды».

Дальше фантазия стопорится. Мне вдруг отчётливо вспоминается наш поцелуй и та кипящая магма удовольствия, что струилась по венам.

Должна признать, что слюнявкается он на твёрдую пятёрку с плюсом. Порывисто, страстно и так естественно, будто рождён был исключительно ради плотских утех.

Звук входящего сообщения парализует всю мозговую активность. Трясущимися руками беру телефон и читаю:

«Прости, что не отвечал – тут со связью полный провал. Мы на полевых учениях уже третий день: лес, грязь, палатки, комары размером с кулак. Днём марш-броски, стрельба, тактика; ночью дежурства и сон в спальниках. В общем, классика армейского выживания.

Но у нас появился лучик надежды: нашли сосну-волшебницу на возвышенности. Она, видимо, дружит с провайдером, ловит сеть. Теперь очередь из трёх солдат на дерево, как в детском лагере на горку. Сейчас моя очередь, пишу, пока долбанная «палка» не отвалится.

Расскажи, как там твои маленькие ниндзя? Научила их уже какому-нибудь коварному приёму?

И признайся: ты хоть немного скучаешь по тому, кто сейчас висит на ветке ради этого сообщения?»

Хрясь. Ручка в моих пальцах ломается с тихим хрустом.

Тем не менее я пишу ответ.

Эмма: Конечно, скучаю, Илюш

И дополняю своё лицемерие смайликом со сложенными бантиком губами.

Разве я могу поступить иначе? Огорошить его правдой, что случайно повстречала парня, который всколыхнул что-то во мне?

Нет, я так не могу. Понятия не имею, что он там надумал себе насчёт нас. А вдруг схватится по глупости за автомат? Или надумает бежать – ведь таких историй навалом, когда солдатики в пылу отчаяния творили всевозможные глупости.

Нет уж, обойдёмся без драмы. Я дождусь его дембеля, мы встретимся, как и договаривались, а там уже решим что-нибудь.

Самооправдание – худший враг в любой ситуации.

Жаль, тогда я этого не понимала.

Если понр
история не
ТОПОВЫЙ

Мои дорогие читательницы! Следующая глава будет платной, но специально для вас всю первую неделю с начала подписки будет действовать скидка! Так что успевайте воспользоваться своей выгодой!

А для самых ярых поклонников Ромки и Илюхи я заготовила еще один сюрприз. В трёх следующих главах (с 11 по 13) будет размещено пять промо к книге "Мои две половинки 2".

А первую часть, т.е. "Мои две половинки" я начну раздавать с главы 14. Не знаю точно, сколько сгенерируется, но поделюсь всем, что дадут)

Так что спешите взять подписку и получить всю серию по цене одной!

Самого лучшего лета вам, мои дорогие! ######

Глава 11

Будит меня оглушительный вой горна, или как там эта омерзительная штуковина называется, которая внешне похожа на трубу и издаёт мерзкие визжащие звуки.

С ворчанием ныряю с головой под одеяло, но не тут-то было. Чьи-то цепкие пальцы хватают меня за щиколотку и настойчиво тащат с кровати. Да ещё этот рёв пронзительный повторяется вновь, аж барабанные перепонки трещат.

Вскидываюсь с намерением отбить шутнику почки – да, на тренировках нам прививали задатки миротворцев, но этот горнист недоделанный сам напросился, – вижу идиотскую ухмылку Ромки, и былая агрессия улетучивается.

И вовсе даже не потому, что этот позёр мне нравится, нет. Просто видок у него... придурковатый. В коротких шортах и тщательно выглаженной белой рубашке с коротким рукавом, с красным пионерским галстуком на шее и блестящим значком трудового красного знамени на груди, да ещё в ал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.